

4. Коломінський Н. Л. Методологічні засади професійної підготовки практичного психолога / Н. Л. Коломінський // Практична психологія та соціальна робота. – 003. – №4. – С. 12 – 3.
5. Лейбин В. М. Словарь справочник по психоанализу / В. М. Лейбин. – СПб. : Питер, 2001. – 688 с.
6. Основи психології : Підручник [За заг. ред. О. В. Киричука, В. А. Роменця]. – К. : Либідь, 1996.
7. Основи практичної психології : Підручник. [В. Панок, Т. Титаренко, Н. Чепелева та ін.]. – К. : Либідь, 1999. – 536 с.
8. Семиченко В. А. Теоретические и методологические предпосылки системной рефлексии как компонента профессионального мышления жизнедеятельности человека / В. А. Семиченко // Професійна освіта : Педагогіка та психологія (пол.). – 1999. – №1. – С. 209 – 227.
9. Чепелева П. В. Проблемы личностной подготовки психолога-практика в условиях вуза / П. В. Чепелева, Л. И. Уманец // Актуальные проблемы психологической службы : теория и практика : Сб. материалов Международной конференции (8—9 сентября 1992 г.). – Т. 2. – Одесса: Общество психологов Украины, МОУ, ОГПИ им. К. Д. Ушинского, 1992. – С. 111-112.
10. Шостром Э. Терапевтическая психология. Основы консультирования и психотерапии / Э. Шостром, Л. Браммер [Пер. с англ. В. Абабкова, В. Гаврилова]. – СПб. ; М. : 2002. – 624 с.
11. Яценко Т. С. Концептуальні засади і методика глибинної психокорекції: Підготовка психолога- практика: Навч. посіб. / Т. С. Яценко. – К. : Вища школа, 2008. – 342 с.
12. Яценко Т. С. Основи глибинної психокорекції: феноменологія, теорія і практика: Навч. посіб. / Т. С. Яценко – К.: Вища шк. , 2006. – 382 с.
13. Яценко Т. С. Основи глибинної психокорекції: феноменологія, теорія і практика : Навч. посіб. / Т. С. Яценко. – К. : Вища школа, 2006. – 382 с.
14. Яценко Т. С. По той бік символіки психомалюнків / Т. С. Яценко // Практична психологія та соціальна робота. – 1999. – № 7.
15. Яценко Т. С. Психологічні основи групової психокорекції: Навч. Посіб. / Т. С. Яценко. – К. : Либідь, 1996. – 264 с.

Резюме. В статті розкрита проблема особистісної та професійної підготовки психолога-практика в сучасних умовах, описуються складові професіоналізму фахівця. Увага акцентується на ролі архетипної символіки в професійній підготовці практичного психолога.

Ключові слова: професійна підготовка, професіоналізм, психокорекційний процес, свідоме, несвідоме, цілісність психічного, психодинамічна теорія.

Резюме. В статье раскрывается проблема личностной и профессиональной подготовки психолога-практика в современных условиях, описываются составляющие профессионализма специалиста. Внимание акцентируется на роли архетипной символики в профессиональной подготовке практического психолога.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, профессионализм, психокоррекционный процесс, сознание, бессознательное, целостность психического, психодинамическая теория.

© 2013

Т. С. Яценко, О. Н. Усатенко (г. Ялта),
А. Н. Каминская (г. Днепрпетровск)

«ИНТРОВИЗИЯ-СУПЕРВИЗИЯ» В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ПРАКТИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ

Постановка проблемы. В основе исследования находится методология, базирующаяся на психодинамической теории, разработанной академиком НАПН Украины Т. С. Яценко.

Статья презентует фрагмент стенограммы, отражающей случай, в котором профессиональный психолог выступил в роли респондента, с которым работал начинающий психолог Е. Супервизия в сочетании с интровизией презентует функциональные возможности профессионализма психолога (в дальнейшем П.) в получении для себя лично значимой информации и одновременно – оказание помощи начинающему психологу (Е.).

Впервые в супервизорской практике констатируются возможности *взаимоперехода интровизии в супервизию*, что основывается на гармонизации многоаспектности позиции П. Супервизионная активность П. основывалась не только на способности спонтанных реплик в роли респондента, но и предполагала, в случае супервизии, обобщение всего предшествующего поведенческого материала, полученного в диалоге: «Е. – П.». Поправки, вносимые супервизором П. в работу Е., сводились к коррекции постановки вопросов, при интровизировании собственных чувств. Супервизорская активность П. не создавала ему трудностей в переходе в позицию респондента, в чем убеждает стенограмма, представленная в данной работе. П. отмечает: «По

ощущениям это две автономные позиции (супервизор – респондент), между ними существует в равной степени как взаимосвязь так и независимость (автономия). В роли респондента я прислушивался к собственному эмоциональному побуждению к ответу на вопросы Е., роль же супервизора обязывала к профессиональному анализу поведения Е. (в роли П.), исходя из психодинамической методологии и законов «положительной дезинтеграции и вторичной интеграции на более высоком уровне развития психики» [12]. Это предполагало обобщение и целостный анализ поведенческого материала (рисунки, вербальные высказывания).

Таким образом, данная статья объективирует исследование возможности профессионального сотрудничества профессионала П. с начинающим психологом Е. путем погружения в роль респондента, при сохранении способности переключения внимания в супервизирование Е. на коррекцию вопросов, предопределяющих диагностическую состоятельность диалога. Эмпирический материал доказывает возможности такого рода сотрудничества без нарушения цельности диагностико-коррекционного процесса. Важно отметить, что удел супервизорства не мог быть заранее спрогнозирован и запланирован, он определялся его актуальностью в текущем моменте поведения Е. (в роли П.). Практически супервизорная активность П. предопределялась или профессионально некорректным (неэффективным) поведением Е. или его продолжительной (затяжной) пассивностью (молчание). Материал данной работы позволяет не только уточнить, но и расширить понятие «*процессуальной супервизии*», которая и осуществлялась П. в виде «подсказок – вопросов», катализирующих диагностико-коррекционный процесс. «Супервизорство» в данном случае, возникало самопроизвольно под влиянием как профессионально непродуктивных высказываний Е., так и интровизии П., что дополнялось эффектом «прочувствования на своей собственной шкуре».

Итак, напрашивается вывод, что пребывание профессионала (П.) в трех ипостасях – «*респондент*», «*интровизор*», «*супервизор*», открывает новые перспективы. Научная новизна материала статьи состоит в исследовании возможностей пребывания профессионала П. в трех ролях одновременно, что, несомненно, указывает на благотворное влияние личностной откорректированности, позволяющей находиться (и сохранять) эмоциональную оптимальность поведения, как и способность перехода в разные позиции (респондент – супервизор), что предполагает адекватную интровизию. Не менее важной является следующая предпосылка успеха П. – владение им теоретико-методологическими основами психодинамического подхода, понимание (и ощущение) поведенческой феноменологии (собственной и Е.) в единстве с инструментальным уровнем работы. Исследуемая в статье активность П. указывает на его «отстраненный» (профессиональный) взгляд на диагностико-коррекционный процесс, который оживляется вопросами в диалоге и семантикой саморефлексии что предполагает способность быть в ситуации и быть над ситуацией; быть участником процесса и быть объективным наблюдателем; децентрировать внимание и адекватно его распределять; сохранять методологическую канву диагностико-коррекционного процесса в синтезе с собственными чувствами в роли респондента и др. Перечисленное может быть определенной характеристикой и критерием подлинного профессионализма глубинного психолога, что позволяет ему полноценно участвовать в коррекции в роли респондента и сохранять при этом способность супервизорства, катализирующего процесс глубинного познания.

Основное изложение материала. Обзор литературы. Термин «интровизия» состоит из двух слов – «интро» (лат. intro), используемое в качестве префикса, обозначающий «в», «визия» имеет латинское происхождение («visio»), в переводе – «видение, проникновение, пронизательность, предвидение» [2, 376]. Интровизия как «самовидение себя» в диагностико-коррекционном процессе собственной активности психолога. Интровизия опирается на семантику процессуального формата глубинного познания.

Близким к интровизии есть понятие «супервизия», которое раскрыто в работах И. Д. Булюбаш, Д. Винер, К. Витакера, С. Гледдинга, Р. Р. Гринсона, Д. Джейкобса, П. Девида, С. Зонненберга, Б. Д. Карвасарского, М. Кокс, Р. Кочюнаса, К. Краутер, С. А. Кулакова, С. Лазара, В. М. Лейбина, Д. Дж. Мейера, Х. Спотница, Е. Уильямса, Р. Урсано, Б. Уортон, Р. Шохета, Дж. Хейли, П. Ховкинса. Исследователи рассматривают супервию как специфический метод обучения начинающих психологов (И. Д. Булюбаш, Р. Р. Гринсон, Д. Джейкобс, Б. Д. Карвасарский, М. Кокс, Х. Спотниц, П. Ховкинс и др.); как альтернативу личному анализу (Р. Урсано, С. Зонненберг, С. Лазар); как средство повышения профессионального мастерства и квалификации опытных специалистов (С. Гледдинг, Р. Кочюнас, К. Краутер, А. Менегетти); как средство упреждения профессионального выгорания (С. А. Кулаков, П. Ховкинс). Супервизия определяется как «один из методов подготовки и повышения квалификации в сфере психотерапии; форма консультирования психотерапевта в ходе его работы (более опытным специалистом), что позволяет психотерапевту (супервизированному) углубленно видеть, осознавать, понимать и анализировать свои профессиональные действия и поведение» [3, 609]. Супервизия способствует профессиональному совершенствованию начинающих психологов-практиков путем анализа собственных профессиональных действий под влиянием информации, полученной от объективного наблюдателя (супервизора). В отличие от *супервизии*, при которой профессиональное взаимодействие интерпретируется внешним наблюдателем, в *интровизии* внимание центрируется на определении самим психологом внутренних

мотивационных детерминант собственного поведения, особенно в части постановки вопросов, катализирующих активность респондента.

В целях уточнения категории «интровизии» проведем ее сравнение с интроспекцией. Интроспекция – это самонаблюдение, взгляды внутрь себя, а интровизия – «вглядывание» в смысл профессиональной активности психолога и ее значимости для респондента (для диагностико-коррекционного процесса и диагностико-коррекционного эффекта). Интровизия от интроспекции отличается тем, что минимизирует субъективизм, присущий интроспекции, за счет ориентации на критерии объективности материала, который подлежит интровизии, путем профессионально мотивированного анализа П. Интровизия предполагает определение профессиональной оправданности поведения (активности) психолога в контексте встраивания вопросов в порядок активности респондента, как и того, насколько вопрос обеспечивает приток энергии, что соответствует ее глубинно-психологической детерминированности согласно внутренне стимулируемой континуальности, заданной устройством психического.

Примером интровизии может служить попытка З. Фрейда подвергнуть самоанализу собственное поведение как и коллег, констатируя оговорки, описки в обыденной жизни, т.е. «отходы» психики, что описано в его работе «Психопатология обыденной жизни» [8]. Формой интровизии З. Фрейда является анализ клинических случаев из собственной психоаналитической практики, что способствовало раскрытию особенностей методики и техники психоанализа (см. «Методика и техника психоанализа» [7]). Он писал: «... вследствие трудностей обучения врач, начиная психоанализ, больше, чем другой специалист, вынужденный совершенствоваться самостоятельно» [6, 464]. Самоанализы профессиональной деятельности представленные З. Фрейдом в «Сочинениях по технике лечения» (дополнительный том «Учебного издания») способствовали осмыслению и обобщению последователями З. Фрейда процессуального аспекта психоанализа.

Расширению представлений об интровизии способствует литература, посвященная самосупервизии, согласно которой профессионализм психолога предполагает приобретение навыков адекватного самоосознания и профессионального осознания поведения других участников (У. Делворт, К. Столтенберг [14], П. Ховкинс [10]), приобретение навыков присутствия (включенности) в ситуации – «равномерного внимания» (З. Фрейд [9]), «вертолетных навыков» (П. Ховкинс [10]), что способствует интеграции личностных и профессиональных качеств.

Приобретению указанных выше профессионально значимых умений способствует «внутренний диалог» психолога, что опирается на саморефлексию. П. Ховкинс и Р. Шохет вводят понятие *самосупервизии* [10], которая, по их мнению, *предшествует прохождению супервизии* и предполагает приобретение супервизированным навыков саморефлексии.

П. Кейсмент рассматривает понятие внутреннего наблюдателя (супервизора) как результат интернализации опыта супервизорства [1]. Автор отличает *«интернализированного» супервизора* и *«внутреннего» супервизора*, последний предполагает не только наблюдение за респондентом, но и за самим собой с позиции «интеллектуального острова наблюдения», способность к спонтанной рефлексии. П. Кейсмент отмечает, что супервизия помогает постфактум отрефлексировать то, что было упущено на сеансе, а также может развивать предвидение того, с чем возможно придется столкнуться. Формальное руководство супервизии (заочная форма) не направлено на подготовку потенциального специалиста к работе в ситуации «здесь и сейчас». Это восполняет интровизия, что предполагает анализ собственного опыта, что связано с развитием самоосознания. Научные источники свидетельствуют, что саморефлексия является необходимой предпосылкой успешной интровизии и важным фактором, определяющим ее результативность.

Интровизия предполагает владение психологом методологией; установление взаимосвязей в поведенческом материале (включая социальную перцепцию); развитие интуиции и познания эмоциональной в ее неповторимости; развитие рефлексивной компетентности, стимулируемой супервизионным анализом профессиональных действий.

Интровизия психолога может быть *показателем его мастерства*, профессионально-психологической мудрости и профессионального искусства практической работы. В философском энциклопедическом словаре «мудрость (греч. — *sophia*, лат. — *sapientia*, инд. — *rajna*, др.-перс. — *mazda*, кит. — *чже*, евр. — *hokma*) обозначает высшее, целостное, духовно-практическое знание, ориентированное на постижение абсолютного смысла бытия и достигаемое через духовно-жизненный поиск истины субъектом знания» [5, 274]. Смысл мудрости соотносится с различными проявлениями ментальности: провидением, предвидением, глубоким умом, знанием жизни, широтой взгляда на мир, богатым жизненным опытом, находчивостью в проблемных ситуациях и т.п. Значение слова «мудрость» переплетается с греческим понятием «софия» (мастерство, совершенство), которое означает не только субъективное состояние души или ума, но и объективное положение вещей: их совершенство, красоту, гармонию и взаимосвязано с творчеством.

Э. Уильямс вводит понятие *«клинической мудрости»*, что предполагает «исключительное понимание и способность сообщать релевантное знание и суждение другим» [4, 21]. Для мудрости характерна адекватность суждений и выбор времени для тех или иных интервенций, а также личностная, теоретическая,

инструментальная и этическая интеграция, необходимые в работе психолога. Итак, профессионализм психолога представляет единство индивидуально пережитого опыта, интеллекта, который гармонизируется с мудростью. Мудрость связана с *развитием прогностичности*, основывающейся на вероятностном прогнозировании, умений сдержанной порционности в распределении представления важных для респондента информационных блоков на фоне сдержанности, выносливости и терпеливости к самопроизвольной спонтанности респондента при умении ее катализации в диалогическом взаимодействии.

Интровизия в психодинамической парадигме основывается на феноменологическом подходе к следованию психики, что позволяет объективировать индивидуальную неповторимость субъекта как и познать внутреннюю детерминированность его поведения. Глубинно-психологическое познание неизменно базируется на процессуальной психодиагностике, что реализуется в диалоге с субъектом познания. Диалогическое взаимодействие психолога с реципиентом является неотъемлемой характеристикой психодинамического познания психики на пересечении разнонаправленных ее тенденций, для которых характерны как антагонизм, противостояние, так и антиномия взаимосвязей. Профессиональный психолог обладает мастерством объективирования внутренних противоречий психики, нивелирования сопротивлений как и умения периферийных (ситуативных) защит.

В психодинамическом подходе *интровизия* осуществляется в нескольких формах: самоанализ профессиональных действий психолога, структурно-функциональный анализ семантики коммуникатов стенограмм психокоррекционной работы; супервизорская интровизия; интровизия-супервизия, интровизия-супервизия в роли респондента.

Интровизия может осуществляться в виде *самоанализа профессиональных действий*, презентованных группе, с использованием приема разъяснения. Активность психолога нацелена на раскрытие внутренних мотивационно-гипотетических блоков, которые включают анализ предшествующего материала и основываются на обобщении высказываний респондента на протяжении всей аналитической работы.

Одной из разновидностей интровизии в психодинамическом подходе является *структурно-функциональный анализ семантики коммуникатов* [11], определяемых по стенограммам психокоррекционной работы, исходя из основ психодинамического подхода. Структурно-функциональный анализ предполагает адекватное проникновение в семантическую сущность процессуальной диагностики в ее слитности с коррекцией, что предполагает определение критериев анализа семантики коммуникатов; обобщение их смысловой нагрузки; группирование и структурирование согласно поставленной научной задаче; использование диаграмм, схем и таблиц как вспомогательного средства обобщения установленных функционально-семантических параметров стенографического материала; определение системной связности материала в процессе интерпретации и др. Последующий этап может касаться интеграции полученных результатов структурно-функционального анализа конкретного стенографического материала с другими эмпирико-аналитическими наработками по исследуемой теме.

Согласно заявленной теме статьи мы презентуем стенограмму диагностико-коррекционной работы Е. – начинающего психолога с П. – профессионалом в глубинной коррекции. Е. – аспирант в роли ведущего психолога (далее по тексту – Е. (в роли П.)), П. – психолог-профессионал в качестве респондента (далее по тексту – «респондент П.» или «супервизор П.» в случае перехода в позицию супервизора).

Е. предлагает П. поработать с неавторским рисунком, который она сама для него подобрала из множества других рисунков.

Рис. 1. Картина В. Куша «К безопасной гавани»

Е. (в роли П.): Будем считать, что я вам этот рисунок предложила, или вы его выбрали?

П. предлагает Е. обращаться к ней на «ты».

Супервизор П.: Это не совсем продуктивный вопрос, потому что если ты уже вошла в роль П. и предложила рисунок, и, более того, респондент готов работать, то выражение «будем считать» может неоправданно актуализировать сопротивление (защиту); вся методика АСПП сориентирована на приближение к реальности, а не отдаление от нее.

Е. (в роли П.): Расскажи, что изображено на этом рисунке.

Супервизор П.: «Что изображено»? Лучше «Что «Ты видишь» – это более эмотивно катализирующий респондента вопрос.

Е. (в роли П.): Что ты видишь на этом рисунке?

Респондент П.: Это что-то похожее на истрепанный парус... бурлящее море. Обращает на себя внимание свеча, которая задает свет, подобно прожектору в темноте. Вижу архетипный образ в виде вулкана, который сливается с образом свечи.

Е. (в роли П.): Руки оберегают эту свечу?

Респондент П.: Наверное, пытаются оберегать, не знаю, оберегают ли, потому что все зависит от природной стихии, от силы ветра. (*Е. молчит, думает*)

Супервизор П.: Не должно быть пауз, паузы вносят дискретность, «рваность» эмоционального настроения респондента.

Е. (в роли П.): Знаю. Что символизирует эта свеча?

Супервизор П.: Я бы спросила: «Какие элементы из всего перечисленного выше эмотивно трогают тебя, с чем ты себя соотносишь?». (к Е. (в роли П.)): Если ты этот вопрос пропускаешь, то этим нежелательно влияешь на структурирование материала, расставляя в нем акценты по своей инициативе – это прерогатива респондента (вернее, «его спонтанности»), мы идем «за респондентом».

Е. (в роли П.): Какие элементы из перечисленных на рисунке трогают тебя больше? С какими элементами ты себя соотносишь?

Супервизор П.: Лучше сказать «ближе тебе» или «впечатлили тебя»?!

Е. (в роли П.): Какие элементы из перечисленных тебе ближе?

Супервизор П.: Стимул должен быть минимальным, но действенным, побуждающим к активности.

Е. (в роли П.): Какие элементы из перечисленных чувственно тебе ближе?

Респондент П.: Ближе все же эта лодка, хотя она больше в тени, свет туда мало пробивается. Меня эта композиция трогает. Эта же (часть справа со свечей) яркая, но скорее всего иллюзорная, какая-то надуманная. Свечи такой не бывает, она не может из земли так произрастать. Если она вырастает из земли, то где найдутся такие руки, которые так трогательно ее могут оберегать? Если же они ее оберегают, то почему же свет проходит сквозь руку? Такая иллюзорность, отступление от жизненных реалий, может бить, не позволили мне определить себя, в эту часть рисунка, справа. Хотя по яркости, по привлекательности этот компонент рисунка явно выигрывает, потому что левая часть ступешвана темнотой, но эмотивно не оставляет безразличной.

Е. (в роли П.): Тебя интересует более реалистичный момент этого рисунка?

Супервизор П.: Прикасаешься вопросом к внутреннему плану видения ситуации – «ценность человека (респондента) может быть в ориентации на здравомыслие и реалии жизни».

Е. (в роли П.): Свет помогает кораблю плыть?

Супервизор П.: Если человек сказал, что его привлекает это (*указывает на левую часть с лодкой*), то с этим желательно и продолжить работу, а ты уходишь куда-то в другую сторону, снова пытаешься по-своему структурировать процесс. Старайся ощущать интерес и инициативу респондента и будь вместе с ним в этом. Важно не нарушать континуум спонтанной инициативы респондента.

Член группы (в помощь Е.): Какие эмоции вызывает этот корабль?

Супервизор П.: Нет, это праздный вопрос (это своеобразная «прогулка по рисунку»).

Е. (в роли П.): Куда плывет этот корабль, и как он тут оказался?

Супервизор П.: Чтобы это сказать, человеку нужно фантазировать. Более продуктивно спросить по рисунку: «Ты себя чувствуешь среди этих людей в лодке или ассоциируешься с чем-то другим?». (к Е. (в роли П.)): Работаешь с рисунком, опираешься на то, что есть в рисунке.

Е. (в роли П.): Ты чувствуешь себя среди людей в лодке или, может, есть самой лодкой?

* Некорректная постановка вопросов Е. в роли психолога вынуждает П. переходить из роли респондента и входить в роль супервизора, внося тем самым поправки в постановку вопросов Е. (ведущей остается роль респондента).

** Инициатива супервизора обусловлена трудностями Е. в постановке вопросов.

Супервизор П.: Вопрос хороший, но требует перефразирования: «Что на этом рисунке соотносимо с тобой, твоим эмоциональным настроением?». Важно, чтобы вопрос был косвенным и давал респонденту простор его свободе выбора.

Респондент П.: Я бы так сказала (ориентируясь на «чувства») – я чувствую себя в этом (указывает на остатки паруса на мачте).

Е. (в роли П.): Это парус или то, что осталось от паруса?

Респондент П.: Я не знаю, но это соотносимо со мной. (*Е.* долго молчит)

Супервизор П. (*помогает Е.*): Я бы спросила: «А что «оно» (то, что висит на мачте) тебе напоминает?». Никогда не нужно апеллировать к протагонисту, чтобы он тебе (психологу) прямолинейно помогал что-то понять, а двигайся дальше исходя из продольного анализа материала (т. е. того поведенческого материала, который уже есть). Ты должна прояснить восприятие человеком рисунка, его ощущения, тем более, что это же неавторский рисунок.

Респондент П.: Я пока ощущаю вот «это» (и указывает на парус), хотя не знаю, как я могла бы его назвать. Похоже на остатки паруса. (*Е.* молчит).

Супервизор П.: Напрашивается вопрос: «Что переживает эта фигурка (парус), что она чувствует?», важно косвенно прояснять чувства и позицию респондента.

Е. (в роли П.): Что переживает эта фигурка?

Супервизор П.: Лучше было бы так спросить: «Если бы «это» имело чувства, то что о них можно было бы сказать?».

Респондент П.: Фигурка чувствует, что значима для этих людей и, одновременно, что она уже в бурях где-то побывала и знает цену страданиям. Прошли бури, которые были более угрожающими, чем то, что есть сейчас.

Е. (в роли П.): Сейчас ей (фигурке) уже опасаться нечего?

Супервизор П.: Ты из виду упускаешь то, что это лишь парус. Мне нелегко работать, потому что я должна быть в двух ипостасях (респондент и супервизор). Это оригинальная форма супервизии-интровизии.

Е. (в роли П.): Этой лодкой управляют люди или все зависит от того, куда ветер подует?

Супервизор П.: Вопрос неплохой, но более оптимально было бы спросить (учитывая изображение): «Наверное, этим людям стало значительно тяжелее обеспечивать движение лодки, когда этот парус оборван и «почти не парус»?».

Е. (в роли П.): Наверное, этим людям стало тяжелее, когда этот парус так изувечен?

Респондент П.: Думаю, да, им стало труднее, но они не теряют надежды на спасение, судя по активности.

Е. (в роли П.): Не знаю... что дальше, помогайте (к П.).

Супервизор П.: Уместно спросить: «Переживала ли ты когда-либо подобное состояние?» Разница между респондентом, который отвечает лишь на конкретный вопрос, и психологом, обобщающим в вопросе весь предшествующий материал, который уже получен в диалоге. Психологу важно не терять «цепочку». Вопрос учитывает также предшествующий ответ респондента.

Е. (в роли П.): Переживала ли ты когда-нибудь такое состояние?

Респондент П.: Не совсем такое, чтобы «так уж», но подобное, конечно, переживала. (*Е.* долго молчит).

Супервизор П.: «Что в рисунке выражает «переживание» и помогает его актуализировать?»

Е. (в роли П.): Что в рисунке помогает его актуализировать?

Респондент П.: Помогает вот это (указывает на крестовину на мачте) – это как крест, распятие, как будто здесь отражен человек (ножку назад отставил для прочности), прошедший трудный путь и личные потери. Именно это и привлекает, потому что создается впечатление, что за остатками паруса присутствует человек.

Е. (в роли П.): Кто мог бы быть этим человеком?

Супервизор П.: Уточнение непродуктивно ведь основная работа идет с респондентом. Лучше спросить: «Переживала ли ты когда-либо подобные чувства?» (ведь уже об «этом» говорилось более абстрактно, теперь задача приближать (конкретизировать) неавторский рисунок к респонденту).

Е. (в роли П.): Переживала ли ты когда-нибудь подобные чувства?

Респондент П.: Да, переживала. (*Е.* молчит)

Супервизор П.: Если протагонист говорит, что «да, переживала», то: «Что было опорой тебе в этих нелегких чувствах?» (к *Е.* (в роли П.)): Ты учитываешь сюжет рисунка, что «они были не легкими».

Е. (в роли П.): Что помогло тебе справиться?

Супервизор П.: *Е.*, ты так говоришь, как будто тебе известно, что респондент справился, а может, и нет? Вопрос должен способствовать прояснению, а не привносить собственно свое содержание. *П.* задает динамику процесса – содержательная часть обеспечивается респондентом! У тебя же получился «вопрос-утверждение».

Е. (в роли П.): Что тебе помогло справляться с этим чувством?

Супервизор П.: Да, но ты не прояснила, переживал ли он это чувство – «перескоки» *нежелательны!*

Респондент П.: Я бы сказала – да, что эта мачта крепко стоит независимо от того, что такая шаткая у нее основа. (*Е. молчит*).

Супервизор П. (задает вопрос вместо Е.): «Этот стерженек внутри тебя или это внешние какие-то были подпорки?». (*к Е. (в роли П.)*): Важно формулировать вопросы и контекстно подвигать процесс, обеспечивать его динамику в направлении глубинного познания. Конкретным содержанием должен наполнять сам респондент. Более косвенно, отчужденно ставь вопросы, но при этом наводи лучик света на важные аспекты психодинамического процесса.

Е. (в роли П.): Твой внутренний стерженек помогал тебе или что-то извне поспособствовало?

Респондент П.: Наверное, и то и другое, но более всего – это внутренний стерженек. (*Е. молчит*).

Супервизор П.: «На чем он основывался?» (*Вопрос к респонденту от имени П.*).

П. (респондент): На вере в себя, на вере в благоприятность обстоятельств, как и вере в то, что эти невзгоды проходящие, что со временем все изменится.

П. (обращение к Е. касательно ее молчания): Ты больше апеллируешь к собственному разуму, если так долго сидишь и думаешь, нужно интегрироваться со своим естеством.

Е. (в роли П.): Что случилось со стержнем после той ситуации, он как-то трансформировался?

Супервизор П.: Какой «той» ситуации? Может дело не в единичной ситуации? Лучше спросить: «Часто ли случалось так с тобой или это был один случай, который так изувечил парус?».

Е. (в роли П.): Часто ли случалось такое или это отдельный случай?

Респондент П.: Каждый раз в бурях, но сходство определенное присутствовало. Сейчас, когда всмотрелась, то увидела, что к мачте прилип человечек, не знаю, где его голова, возможно, спрятана в тряпках, но вот одна нога назад, вот другая ровно стоит (уверенно), одежда его (указывает на парус) и руки держит руки подобно распятыю на крестовине. Наверное, не зря я это увидела в рисунке – именно так в подобных бурях я себя ощущала. Сейчас я точно вижу голову человечка, она наклонена, а руки как на кресте распяты, что придает фигурке устойчивость и упреждает падение. В фигурке присутствует вера в то, что это как-то переживется и что будет динамика вперед, к прогрессу, к свету. Рисунок указывает на желание этой фигурки идти вперед, хотя и нелегко – она несет и на себе этот «крест». (*Е. молчит*).

Супервизор П. (к Е.): Раз респондент говорит, то, что сам увидел, что эта фигурка движется вместе с лодкой, так пользуйся последним его высказыванием. Ты обязана этим пользоваться, «складывать вопросами пазлы», чтобы респондент не ощущал дискретность процесса глубинного познания.

Е. (в роли П.): Куда эта фигурка пойдет или куда ей хочется идти?

Супервизор П.: Работай с тем, что ты видишь. Если ты видишь, что она движется в этом направлении (указывает на свет), и гребцы, судя по всему, тоже гребут в этом направлении, то задай соответственный вопрос.

Е. (в роли П.): Он пытается идти в том же направлении, что и лодка?

Респондент П.: Да, он не хочет оторваться от лодки, это рискованно. (*Е. молчит*).

Супервизор П.: «Они все стремятся к свету?» (*к Е.*): Ходы, predetermined questions, должны быть маленькими, чтобы не было большого люфта, который бы мог увеличить отклонение от точности диагностики. Большой «шаг» – большой может быть люфт – уход от истины, т.е. погрешность может быть больше. Маленькие «шажки» нивелируют погрешность в диагностике.

Е. (в роли П.): Они все стремятся к свету?

Респондент П.: Судя по всему, да.

Е. (в роли П.): Что могло бы быть этим светом?

Супервизор П.: Перескакиваешь.

Е. (в роли П.): Значит, у них есть общий интерес?

Респондент П.: Очевидно, да.

Е. (в роли П.): Интерес дойти до этой свечи?

Супервизор П.: Это примитивно и прямолинейно: если есть свет, то значит нужно дойти до него (нужны маленькие шажки). Я бы спросила: «А у них есть общий интерес в этой свече?». (Учтите, я, формулируя вопрос, совсем не знаю, как буду отвечать).

Е. (в роли П.): У них есть общий интерес в этой свече?

Респондент П.: Думаю, что разный. (*Е. молчит*).

Супервизор П.: «В чем отличия?» (*к Е.*): Если так долго думать над вопросами, то ты снижаешь интерес (мотивацию) респондента. Респондент сам не обязан что-то говорить, поэтому от постановки вопроса зависит, будет ли он говорить. Сформулируй вопрос так, чтобы он не мог не ответить, к примеру: «Чем отличаются ощущения перспективы между этими фигурками в лодке и фигуркой возле мачты?».

Е. (в роли П.): Чем отличаются ощущения этой части лодки и этой части лодки?

Супервизор П.: Дорогая Е., ты упускаешь из виду, что респондент уже наполнил, оживил определенную часть лодки с мачтой – он уже сам определил себя «человечком», распятым на мачте, забывать об этом неоправданно. Ты же вопросом «снимаешь» этот факт и превращаешь его просто в «часть лодки» – это грубая ошибка! Необходимо учитывать, что уже проработано (в диалоге с респондентом), каким поведенческим материалом располагаешь. Что-то уже «оживленное» превращать в опредмеченное не соответствует психодинамическому подходу.

Е. (в роли П.): Чем отличаются ощущения людей и этого человечка?

Респондент П.: Они наполнены разным смыслом, хотя и находятся во взаимосвязи через общий интерес.

Е. (в роли П.): Может ли быть этот свет быть объединяющим?

Супервизор П.: Ты не пользуешься тем, что я только что сказала, что «они взаимосвязаны и не могут существовать друг без друга».

Член группы: В чем их единение?

Супервизор П. (к члену группы): Важно остерегаться прямых вопросов. Не так важно, в чем единение, а вот в чем они оказывают взаимовлияние друг другу, в этом есть смысл ситуации.

Е. (в роли П.): В чем они оказывают взаимовлияние друг на друга?

Респондент П.: Этот человек показывает направление, потому что они сидят спиной и этот луч рассеивается, трудно определить направление. Он же показывает направление к свету, чтобы не сбиться с пути. (Е. молчит).

Супервизор П.: Сразу же важно спросить: «Тогда он (человечек) главенствующий?». Это феноменологический подход, не утруждай себя так, иди за континуумом экспликативности процесса, встраивайся во внутренний порядок получаемого материала (ответов респондента).

Е. (в роли П.): Он главенствует в этой композиции?

Респондент П.: Лишь в какой-то степени, потому что все его главенство закончится, если кто-то топором подрубит основу. Он это тоже понимает. Они заинтересованы друг в друге.

Член группы (предлагает вопрос): Тяжело ли главенствовать в таком спутанном состоянии?

Респондент П.: О трудностях никто из них не думает. Они попали в такую стихию и счастливы лучиком света.

Е. (в роли П.): Что дает им этот свет?

Супервизор П.: Хороший вопрос, но лучше ближе к респонденту. «Что представляет (означает) свет для этой фигурки?» Потому что респондент представлен в фигурке на мачте. Ты забываешь, что респондент – ведущая сторона в работе. Ты забываешь о приоритетах респондента.

Е. (в роли П.): Какой смысл для этой фигурки и для этих людей тоже имеет свет? Совпадает ли его значимость?

Респондент П.: Приоритетность в таком контексте играет эта фигурка на мачте, а им уже ничего не остается, как «идти за ней», потому что она им показывает, куда грести, т. е. указывает дорогу. Говоря иначе, ведущей есть эта фигура на мачте. Смысл для этой фигуры – личностный. А для этих (в лодке) – лишь выживание.

Член группы (предлагает вопрос): Это путь жизни для человечка?

П. (*супервизор к члену группы*): Я бы этот вопрос не задавала, потому что и так видно, что это путь на данный момент выживания в стихии. Я бы спросила: «Знаком ли был раньше человек с тем «смыслом» жизни, который открылся ему в этом путешествии?».

Респондент П.: Я бы ответила: «Знаком». (Е. молчит).

Супервизор П.: Тогда я бы спросила: «Всегда ли так было? Действительно руки охраняют эту свечу или могло быть что-то иное с сохранением смысла рисунка?».

Е. (в роли П.): (пользуется коммуникатом супервизора): Всегда ли «смысл» выражался свечей и руками?

Респондент П.: Я бы сказала, что нет. (Е. молчит).

Е. (в роли П.): В каких формах ты знакома с этим смыслом, в каких вариациях?

Супервизор П. (от имени Е.): «Если знакома фигурка с таким смыслом, то в каких вариациях он мог бы быть еще презентован?»

Респондент П.: Я бы ответила: «Это может быть улыбка, солнышко, рассвет, зарево, радуга, свет ниоткуда». (Е. молчит).

Супервизор П.: Когда человек перечислил, то проясни, что из этого (перечисленного) наиболее значимо: «С чем эта фигурка более всего знакома?»

Е. (в роли П.): С чем эта фигурка более всего знакома?

Респондент П.: Солнце, это ближе всего. (Е. молчит).

Супервизор П.: Спроси: «Солнце – потому что это та радость, которая подарена небом, к получению которой не надо прилагать усилий?».

Е. (в роли П.): Солнце – это такая радость, к которой не надо прилагать усилий, так как мы его видим каждый день! Или солнце олицетворяет кого-то значимого для этой фигурки?

Респондент П.: И то, и то.

Е. (в роли П.): А что более значимо?

Респондент П.: Более значимо – олицетворение солнцем кого-то значимого.

Е. (в роли П.): Ощущала ли эта фигурка внутри себя это солнце?

Супервизор П. (к Е.): Достоинством уже есть то, что ты начала прогнозировать более адекватно, но формулируешь вопрос не всегда корректно. Если приоритет имеет значимая фигура по словам респондента, то спроси: «А кто бы мог быть этой значимой фигурой?». Не уходи далеко от того, что сказано респондентом, помни и чувствуй весь предшествующий материал.

Е. (в роли П.): Кто бы мог быть фигурой, которую олицетворяет солнце?

Респондент П.: Сама эта фигура. (*Е. молчит*).

Супервизор П.: Твой вопрос – это «разрыв», а должен быть выдержан континуум вопросов. Только тогда имеем надежду приближаться к бессознательному и можем его объективировать, учитывая его симультанность, дискретность свойственна сознанию. Вопросы сами по себе дискретны, но они должны пробуждать внутреннее эмоциональное состояние (приток энергии), и тогда дискретность нивелируется внутренней цельностью мотивации (инициативы), и респондент ощущает легкость и увлеченность работой самопознания. Мог бы быть вопрос: «Эта фигура пытается возвратиться в то состояние, которое для нее есть желанным?».

Респондент П. (отвечает на вопрос, поставленный вместо Е.): Это состояние, которое может возродиться в этой фигурке, если она пройдет весь отведенный ей путь. (*Е. молчит*).

Супервизор П.: После этого надо бы спросить: «А что фигуре каждый раз надо проходить определенные трудности, чтобы попасть в желанное состояние?» Это важнейший вопрос, потому что за ним может скрываться замаскированная заинтересованность в определенных регрессиях, трудностях, которые иллюзорно могут задавать тенденцию «к силе». (*Е. молчит*).

Респондент П. (отвечает на вопрос, поставленный вместо Е.): Я бы ответила: «Фигурка не замечает, когда она сама создает трудности, ей кажется, что стихия жизни часто погружает ее в эти трудности».

Супервизор П.: Ты можешь спросить: «Фигурка не обнаруживает (не улавливает) тот момент, когда может противостоять этой стихии?».

Е. (в роли П.): Фигурка пытается противостоять этой стихии, так как она больше заинтересована пребывать в таком солнечном состоянии?

Супервизор П.: «Она «не улавливает момент», когда попадает в такую стихию. Иначе, возможно, она могла бы предупредить это? Или только через преодоление трудностей она может придти к солнцу?» – вот возможные вопросы. (*Е. молчит*).

Респондент П. (отвечает на вопрос, поставленный вместо Е.): Фигурка не улавливает, когда попадает в такую трудную ситуацию, но это не исключает какой-то ее вклад в процесс попадания в такую «стихию».

Супервизор П.: Ответ не снимает второй вопрос, «что фигурка готова идти, чтобы придти к этому солнцу, потому что солнце будет менее ощутимо (дорога), если она не пройдет этот путь!».

Е. (в роли П.): Фигурка готова пройти такой путь, чтобы достичь этого «солнца»?

Респондент П.: Думаю, что эта фигурка не только стремится к такому состоянию, но и еще к ощущению рук как способа защиты этого желанного состояния.

Е. (в роли П.): Чьи могли бы быть эти руки?

Супервизор П.: Лучше спросить: «Фигурка нуждается в помощи, чтобы сохранять такое «солнечное» состояние?».

Е. (в роли П.): Значит, фигурка нуждается в помощи?

Супервизор П. (предлагает дополнение к поставленному вопросу): «чтобы сохранить то желанное состояние, которое она с большим трудом достигла».

Е. (в роли П.): Значит, нуждается в помощи, чтобы сохранить то желанное состояние, которое фигурка достигла?

Респондент П.: В какой-то степени да, хотя фигурка считала, что раз она прошла такую стихию, то уж зачем ей помощь. Для фигурки это открытие, сейчас (и она сама озвучила), что в самом деле – *эти руки нужны!*?

Е. (в роли П.): Чьи это руки?

Респондент П.: Одна материнская рука, а другая – отцовская.

Е. (в роли П.): Какая из них материнская, а какая – отцовская?

Респондент П.: Вот эта – материнская (справа от свечи), а эта – отцовская (слева от свечи). (*Е. молчит*).

Супервизор П.: «Чем они отличаются?»

Е. (в роли П.): Чем они отличаются?

Респондент П.: Отличаются тем, что эта (слева от свечи) почти невидима и прозрачная, а эта (справа от свечи) – ощутима и немного ограничивает, придавливает, свет не может туда пробиться. (*Е. молчит*).

Супервизор П.: «Тогда что-то в этой фигурке застряло (фиксировано) с тех пор, как была она оберегаема?».

Е. (в роли П.): Я не все запомнила.

Супервизор П.: Я говорила, что эта рука неощутима, свет пробивается, как будто ее и нет, я бы еще спросила: «Так и было, что отец как бы есть, но его и нет?».

Респондент П.: Я бы ответила: «Да». А вторая рука – материнская, она охраняющая и угрожающая, придавливающая.

Супервизор П. (от имени Е.): Тогда я бы сказала, что «Это придавливание и подстегивает фигурку на тот «порочный круг», который ее снова гонит из «светлого» состояния в напряженную жизненную стихию?». (*Е. молчит*).

Респондент П.: На это фигурка сказала бы: « Да, это так».

Супервизор П. (от имени Е.): Я бы спросила: «А часто ли это повторялось?».

Респондент П.: Фигурка бы ответила: «Не часто, потому что я как вышла отсюда в юности (указывает на руки), то осталось лишь внутреннее стремление туда возвратиться, и фигурка сама уже показывает, по какому пути должна плыть эта лодка». (*Е. молчит*).

Супервизор П. (от имени Е.): Я бы спросила: «Тогда эта фигурка может и не попасть сюда (указывает на руки), раз у нее двойственные чувства?».

Респондент П.: Ответила бы: «Да, потому что эта фигурка (как было уже сказано) ищет это солнце и актуализирует его в самой себе».

Супервизор П.: Мы выходим на информационные эквиваленты, которые раскрываются в работе. Если мы будем так дальше работать, то, уверена, вы, Е., научитесь этому!

Е. (в роли П.): Буду стараться, спасибо за помощь.

П.: Старания здесь особо не помогают. Здесь нужно ощущать, понимать и не только включать рацию, а необходимо снять страхи, снять стремление к идеальным вопросам. (*к Е.*) Без тебя, Е., не было бы того, что произошло. Ты сама нашла этот рисунок и предложила, значит, где-то интуитивно ощутила его адекватность мне.

Работа показала, что «информационные эквиваленты» нужно добывать в диалоге, они не лежат на поверхности. Важно доверять своим чувствам, но для этого нужна личностная психокоррекция. Важно ориентироваться на высказывания респондента, тогда вы идете за феноменом психики!

Е. (в роли П.): Большое спасибо за работу. Мне понравилось.

Подводя итог, важно указать на новую постановку проблемы *процессуальной супервизии* в глубинном познании в связи со свойственной необратимостью процесса. Работа открыла перспективы более широкого взгляда на возможности вхождения профессионала-психолога внутрь глубинного процесса даже обращением себя в респондента. Материал статьи *утверждает новый прием совершенствования супервизии путем непосредственного участия П. в роли и супервизора, и респондента. Интровизия имеет полизначность, она является как межролевым связующим звеном, так и критерием профессиональной истины и адекватности поведения П. в нескольких ипостасях.*

Литература:

1. Кейсмент П. Обучаясь у пациента / П. Кейсмент; пер. В. В. Зеленский. – Воронеж : НПО «МОДЭК», 1995. – 256 с.
2. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. – 24- изд., стер. – М. : Рус. яз., 1992. – 848 с.
3. Психотерапевтическая энциклопедия / [под ред. Б. Д. Карвасарского]. – СПб. : Питер, 2002. – 1024 с.
4. Уильямс Э. Вы – супервизор: шестифокусная модель, роли и техники супервизии / Э. Уильямс. – М. : Независимая фирма «Класс», 2001. – 288 с.
5. Философия: Энциклопедический словарь / [под редакцией А. А. Ивина]. — М. : Гардарики, 2004.
6. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции / З. Фрейд; пер. с нем. Г. В. Барышниковой. – СПб. : Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 480 с.
7. Фрейд З. Методика и техника психоанализа. / З. Фрейд // Психоаналитические этюды. – Мн. : Попурри, 1997. – С. 47 – 150.
8. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни / З. Фрейд // Психология бессознательного. – М. : Просвещение, 1990. – С. 216 – 288.
9. Фрейд З. Советы врачу при психоаналитическом лечении / З. Фрейд // Сочинения по технике лечения. – М. : ООО «Фирма СТД», 2008. – С. 169 – 180.

10. Ховкинс П. Супервизия. Индивидуальный, групповой и организационный подходы / П. Ховкинс, Р. Шохет. – СПб. : Речь, 2002. – 352 с.
11. Яценко Т. С. Глибинна психокорекція та упередження психічного вигорання: в 3-х ч. / Т. С. Яценко, Б. Б. Іваненко, І. В. Євтушенко. – К.: Главник, 2008. – В 3 Ч.
12. Яценко Т. С. Психологічні основи групової психокорекції : навчальний посібник / Т. С. Яценко. – К. : Либідь, 1996. – 264 с.
13. Яценко Т.С. Структурно-функціональний аналіз семантики комунікатів в глибинно-корекційному процесі / Т.С.Яценко, О.В.Педченко, О.В.Овчаренко //
14. Stoltenberg C. Supervising counselor and therapists / C. Stoltenberg, U. Delworth. – San-Francisco : Jossey-Bass, 1987. – P. 152 – 167.

Резюме: В статье представлен новый взгляд на проблему процессуальной супервизии в психодинамическом подходе к познанию психики. Приведенная в статье стенограмма психокоррекционной работы презентует возможности особого приема супервизии – интравизии как индикатора профессионального мастерства психолога-практика.

Ключевые слова: супервизия, процессуальная супервизия, интравизия, психодинамический подход.

Резюме: У статті представлено новий погляд на проблему процесуальної супервізії в психодинамічному підході до пізнання психіки. Наведена в статті стенограма психокорекційної роботи презентує можливості особливого прийому супервізії – інтравізії як індикатору професійної майстерності психолога-практика.

Ключові слова: супервізія, процесуальна супервізія, інтравізія, психодинамічний підхід.